

Неаполь - город как театр.

Екатерина Богопольская (июль 2008)

«Чем удивит новый неаполитанский фестиваль, добавившийся в этом году к карте легендарных летних театральных фестивалей Европы», - думала я, когда издалека появились очертания Castel Nuovo- того самого знаменитого Анжуйского замка на берегу залива, где бывали и Джотто, и Боккаччо, и получил свой лавровый венок Петрарка, и где-то совсем рядом много веков назад Вергилий сочинил свою «Энеиду». Неаполь - город разноликий и разнообразный, родился на перекрестке многих культур и цивилизаций. Именно эта особенность Неаполя положена в основу концепта фестиваля - весь город превращается в огромную бесконечно разнообразную сценическую площадку. Дворы готических замков и виллы патрициев, маленькие традиционные театрики девятнадцатого века, что еще помнят Элеонору Дузе, монастыри, галереи, концертные залы, -короче, весь огромный город становится естественной декорацией театра. Так, во внутреннем дворе посреди полуразрушенных стен монументального палаццо Albergo dei Poveri, обители для бедняков, построенной в 18 веке по велению короля Карла Бурбона, шла «Медея», спектакль французского режиссера Ж.-П. Мартинелли с африканскими актерами из Буркино Фазы по пьесе провансальского поэта Макса Рукетта. Рукетт писал в стилистике библейских псалмов. Мартинелли переносит трагедию античной Медеи в Африку- действие происходит где-то на заброшенном пустыре большого города, на ничейной земле, где обосновалась чужестранка Медея и ее семья.

Napoli Teatro Festival

Нет сцены, внутри полуразрушенных кирпичных стен- покрытое землей и щебнем голое пространство. Посреди у разожженной жаровни греется старуха-

африканка, а потом начинает свой первый горестный монолог - псалом о несовершенстве мира. Ей вторит хор африканских женщин. Потом появится Медея-Феличите Вуами, какая-то невероятная смесь страстной энергии и абсолютного возвышенного благородства. Сразу становится понятно, что она и в сама деле из высокой расы детей Солнца, и «никто не сможет заставить нас преклонить колена». Актриса мощного трагического дарования, Феличе с невероятной силой и грацией играет и страсть Медеи к Язону, и потом ее желание заставить его страдать так же безмерно, как и она. Измена Язона пробуждает в ней могущественную волшебницу, она творит мечь в духе магических африканских ритуалов, а в финале исчезает, оставив его наедине с вечным одиночеством.

А в другом дворе палатцо сборная команда актеров разных европейских стран играла «Троянок» Еврипида- современную версию вечной трагедии войны, победителей и побежденных. Хотя справедливости ради заметим, что разноголосый хор европейской труппы так и не сложился в единую мелодию, и воспринимать спектакль одновременно на 4 языках, испанском, французском итальянском и португальском оказалось больше упражнением для ума, чем эстетическим удовольствием. Гораздо удачнее опыт прошел в маленьком Театре Дианы, на другом конце города, где чувствовали Нино Роту – когда его шлягеры из «Ночей Кабирии» и «Крестного отца» исполняли, каждая на своем языке и по - своему, француженка Катрин Ринжер, испанка Мартирио, на итальянском- португальская певица Мисья и на английском - Мария де Медейрос. Кстати, на сцене этого театра играли когда-то Витторио Гассман и Альберто Сорди, здесь вместе с братом Пеппино начинал Эдуардо де Филиппо.

Лабиринт любви в монастыре Certosa di San Martino (Чертоза Сан Мартино)

Napoli Teatro Festival

Пока внутри Анжуйского замка сооружали сцену для хореографического спектакля Катарины Санья, в изысканных интерьерах особняка 19 века, на вилле Пинателли, проходили театральные встречи и теоретические дискуссии, а в старинном кафе Гамбринус - пресс-конференции, самое замечательное событие первых дней фестиваля происходило в Чертоза Сан Мартино, бывшем картезианском монастыре, основанном в 1325 году. Именно здесь, в причудливых барочных интерьерах монастыря-музея, играли спектакль -фантазию о возлюбленных Казановы « Она. Пять историй для Казановы ». Одно из главных направлений деятельности нового фестиваля- развитие современное драматургии: фестиваль заказывает пьесы, публикует их и конечно, создает по ним спектакли. Именно в рамках этого проекта

пяти известным писательницам было предложено написать пять историй от имени женщин, о которых упоминает в своих мемуарах Джакомо Казанова. Режиссер Люко де Фюско, следуя логике мемуаров Казановы, выстраивает спектакль как путешествие – во времени (мы полностью переносимся в 18-ый век) и в пространстве – каждый эпизод играют в разных помещениях монастыря, посреди подлинных картин, росписей, интерьеров, и на всем пути от эпизода к эпизоду нас сопровождает музыка-орган, клавесин, виолончель, скрипка, в последнем эпизоде – фортепьяно. Первый эпизод происходит в комната- келье, где на огромной кровати, освещенной лишь пламенем свечей, лежит в едва скрывающей женские прелести рубашке та, которую Казанова называет «монахиня М.М.». В исступленно-чувственном монологе актриса вспоминает о ночах любви, проведенных в обществе Казановы, и о странных отношениях сложившихся между его любовницей Катариной, ей самой и французским посланником де Бернисом. Следующий эпизод происходит в маленькой полукруглой комнате с видом на море. Посреди комнаты- ванна, которая скрывает обнаженную красавицу- маркизу. На полу небрежно брошены атласные туфельки и платье. Наша маркиза в прошлом - та самая Генриетта, первая любовь Казановы, о которой мы знаем из цветаевского «Приключения». Впрочем с тех пор прошло много лет, и вот теперь, игриво и нежно, маркиза объясняет нам, почему хотя весь Париж только и говорит об этом итальянце, который живет теперь в имении всего в двух часах езды от нее, она никогда не поедет туда, чтобы вновь встретиться с ним. Третий эпизод – и мы попадаем в какой-то маленький дворик на затворках монастыря, посреди которого высится большая железная клетка. Внутри, на тюремной койке пристроилась та единственная, что удалось довести великого соблазнителя почти до самоубийства- очаровательная куртизанка Шарпийон, что изводила его, беспрестанно вытягивая деньги и отказывая в ласках. Четвертый эпизод проходит в рафинированном кабинете, где за туалетным столиком пристроилась неаполитанская аристократка Лукреция. За утренним туалетом, Лукреция (в этой роли звезда итальянской сцены, Анита Бертоллуччи) вспоминает о своем давнем романе с Казановой, которого она недавно опять встретила на одном из неаполитанских празднеств, и о том, что тот так страстно влюбился в ее дочь, что даже просил ее руки. Лукреция так безумно ревнует, что придумывает легенду, будто девушка -его дочь. Пятая, заключительная история происходит перед беседкой в монастырском саду, где завтракает Лиа- последняя женщина Казановы. Он стар, ей восемнадцать и она бесконечно хороша. Лиа, дочь богатого еврейского банкира, в какой-то степени женская ипостась венецианца, так сказать Казанова в юбке. Она просит великого соблазнителя передать ей свой богатый опыт. Он соглашается- в Мемуарах Казанова хвастается этой своей последней победой. Здесь же Лиа вовсе не попала под его шарм- скорее, это знак нежности и снисхождения к тому, кто, что бы не говорить, был не пустым соблазнителем, а человеком незаурядного дара во всем, в том числе и в любви. Именно эта мысль о том, что он был сама любовь, квинтэссенция любви, и потому никто из встреченных им женщин не мог его никогда забыть, объединяет разрозненные истории.